

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

ЗАВѢТЪ БѢЛИНСКАГО.

*Религіозность и общественность
русской интеллигенціи.*

Кн-во „ПРОМЕТЕЙ“.
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

Типографія Акц. Общ. Тип. Дѣла, 7 рота, 26.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Публичная лекція.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Есть ли русская интеллигенція подлинное воплощеніе русскаго народнаго сознанія и русской народной совѣсти, — объ этомъ можно спорить. Но что другого воплощенія нѣтъ сейчасъ, — кажется, бѣзспорно. Безспорно и то, что въ судьбахъ Россіи, которыя на нашихъ глазахъ совершаются, русская интеллигенція, рано или поздно, приметъ участіе.

Кто не желаетъ, чтобы судьбы эти совершились помимо народнаго сознанія и вопреки народной совѣсти, не можетъ не чувствовать, какая грозная отвѣтственность падаетъ на русскую интеллигенцію. Выдержитъ ли она эту отвѣтственность?

Прежде, чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, надо поставить другой вопросъ, еще болѣе грозный: существуетъ ли русская интеллигенція, какъ связанная съ народомъ, руководящая сила, умственная, нравственная и общественная?

Въ послѣднее десятилѣтіе, съ 1905 года, немало попытокъ сдѣлано для того, чтобы доказать, что такой силы нѣтъ, что произошло банкротство не какой-либо частной интеллигентской идеологіи, а самой интеллигенціи, именно

здѣсь, въ ея живомъ сердцѣ, въ ея связи съ народомъ. Вы, конечно, помните „кающихся интеллигентовъ“, „Вѣховцевъ“ — Булгаковыхъ, Эрновъ, Струве, Гершензоновъ, Евг. Трубецкихъ, Флоренскихъ и проч., и проч., которые увѣряли насъ, что въ освободительномъ движеніи интеллигенція обнаружила, передъ лицомъ народа, свое ничтожество, что интеллигенція разгромлена окончательно.

„Кающіеся“ интеллигенты“ — ученики Достоевскаго. Вѣдь, главное дѣло всей жизни его, завѣтъ его — покаяніе во грѣхахъ интеллигенціи, борьба съ интеллигенціей. И вотъ, въ наши дни, эта борьба готова или какъ будто готова увѣнчаться побѣдою, — въ наши дни — дни Достоевскаго по преимуществу. На его улицѣ праздникъ сейчасъ. Всѣ его пророчества исполняются или опять-таки какъ будто исполняются: идея „всеславянства“, мечта о Царьградѣ, какъ о твердынѣ будущей русско-византійской теократіи, отреченіе отъ „гнилого Запада“ и, наконецъ, разгромъ русской интеллигенціи.

„Безбожное“ сознание, „безбожная“ совѣсть не могутъ быть сознаниемъ и совѣстью русскаго „народа-богоносца“, — таково главное обвиненіе, которое на тысячи ладовъ повторялось и донинѣ повторяется.

Объ этомъ дѣйствительномъ или мнимомъ „безбожіи“ я и хочу говорить по поводу Бѣлин-

скаго, перваго русскаго интеллигента. И, надѣюсь, вы почувствуете весь рѣализмъ поставленнаго мною вопроса.

Вѣдь, если правъ Достоевскій и правы ученики его, что русская интеллигенція — ложное сознание, преступная совѣсть Россіи, то положеніе наше, въ самомъ дѣлѣ, отчаянное. Въ роковую минуту Россія можетъ оказаться безъ всякаго сознанія, безъ всякой совѣсти, ибо, повторяю, хороша или плоха русская интеллигенція, она все-таки единственная, — сейчасъ негдѣ взять другой.

Можетъ быть, историческая справка моя о Бѣлинскомъ послужитъ къ рѣшенію этого вопроса.

Что Бѣлинскій — прообразъ всей русской интеллигенціи, сознаетъ и Достоевскій. Вотъ почему онъ обрушивается на него съ такою яростью въ извѣстномъ письмѣ къ Страхову (отъ 1871 года).

I.

„Этотъ человѣкъ ругалъ мнѣ Христа“. Онъ „билъ по щекамъ свою мати — Россію. „Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни“. Таковъ приговоръ Достоевскаго надъ Бѣлинскимъ.

Судъ надъ Бѣлинскимъ, первымъ русскимъ интеллигентомъ — судъ надъ всею русскою интеллигенціею, потому что она вся въ него, какъ дѣти въ отца или внуки въ дѣда.

Приговоръ Достоевскаго въ наши дни скрѣпленъ окончательно, и въ защиту Бѣлинскаго не поднялось ни одного голоса.

Но вотъ вышли въ свѣтъ письма его (I—III т. т. 1829—1848. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкого. СПб. 1914).

„Вся жизнь моя въ письмахъ“ — говоритъ самъ Бѣлинскій.

Существуетъ преданіе, что на Страшномъ Судѣ передъ каждымъ изъ насъ разовѣется свитокъ, на которомъ написана вся наша жизнь, и что по этому свитку насъ будутъ судить. Такой свитокъ — „Письма Бѣлинскаго“.

За него говорить уже нечего, — пусть онъ самъ за себя говоритъ. Но прежде, чѣмъ вслушаться въ голосъ его, взглянемся въ лицо: чтобы услышать говорящаго, какъ слѣдуетъ, надо сначала увидѣть, кто говоритъ.

„Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаление легкихъ и чуть не унесло его въ могилу) тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, огонь его передавался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но поговоривъ часа два-три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ... Но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко.

— „Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, — сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ, — а вы хотите ѣсть!“ („Воспоминанія“ И. С. Тургенева).

Тутъ что-то смѣшное, но надъ чѣмъ смѣяться нельзя. „Не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова“, — добавляетъ Тургеневъ. Смѣшное и грустное, жалкое вмѣстѣ, трагикомическое, „карикатурное“. — „Я — Прометей въ

карикатурѣ“, — восклицаетъ Бѣлинскій, чувствуя въ себѣ это смѣшное, неладное, нелѣпое, несоответственное между внѣшнимъ и внутреннимъ, формой и содержаніемъ, плотью и духомъ. — „У меня душѣ не впору тѣло“.

Красота — въ мѣрѣ, въ соответствіи, въ ладу души съ тѣломъ. Этого ладу нѣтъ у него, и отсюда — „безобразіе“. — „Природа заклеимила лицо мое проклятіемъ безобразія“. Но если взглянуть пристальнѣе, то это не „безобразіе“, а только отсутствіе или недоконченность образа.

Человѣкъ небольшого роста, сутулый, нескладный, худощавый, съ впалой грудью и понурой головой; одна лопатка выше другой. Всѣ признаки чахотки. Постоянно кашляетъ. Лицо блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, очень выдающіяся скулы, бѣлокурые, плоскіе волосы. Вообще все незначительно, „мизерabelно“, какъ любитъ выражаться Достоевскій о своихъ герояхъ. Все кромѣ глазъ. „Я не видѣлъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго“, — вспоминаетъ Тургеневъ. Въ этихъ глазахъ — страшно обнаженная душа — душа почти безъ тѣла.

Одѣваться не умѣетъ и не любитъ: плохо скроенный, поношенный, длинный сюртукъ всегда застегнутъ накриво.

Говоритъ слабымъ, хриповатымъ голосомъ, „какъ-то криво приподымая верхнюю губу, покрытую подстриженнымъ усомъ“ („Воспоминанія“ Тургенева), „упорствуя, волнуясь и спѣша“, по общими мѣстами, такъ же, какъ пишетъ.

Нелюдимъ, робокъ, застѣнчивъ до дикости. На улицѣ теряется, пугливо пробираясь вдоль стѣнъ.

„Я только въ лѣсу такихъ волковъ видавалъ, и то травленных!“ — воскликнулъ одинъ провинціалъ, которому указали на Бѣлинскаго.

Не умѣетъ въ обществѣ ни стать, ни сѣсть. Однажды, на званомъ вечерѣ у кн. Одоевскаго, облокотился на шаткій столикъ съ бутылками; столикъ опрокинулся, бутылки полетѣли, разбились, вино пролилось къ ногамъ гостей, а Бѣлинскій, потерявъ равновѣсіе, упалъ на полъ.

— „Вотъ видите, я предупреждалъ васъ, что надѣлаю какихъ-нибудь неприличій!“ — проговорилъ онъ, опомнившись, когда его подняли и вывели въ другую комнату.

Физическая безпомощность, неприспособленность къ міру — таково свойство перваго русскаго интеллигента и, можетъ быть, всей русской интеллигенціи.

Неисцѣлимая отвлеченность, переальность. „недѣйствительность“. — „Чувствую свою недѣйствительность“. — „Идеальность есть моя хро-

ническая болѣзнь, которая глубже засѣла во мнѣ, чѣмъ геморрой“.

Это въ самомъ маломъ и въ самомъ большомъ. Однажды вымылъ голову морскою водою, „четыре раза мылилъ, а грязи все-таки не смылъ, потому что соленая вода уничтожаетъ мыло... Моя голова до сихъ поръ словно смолою вымазана“. Можно сказать, что всю жизнь не только въ дѣлахъ житейскихъ „мылъ голову морскою водою“.

„Я — человекъ не отъ міра сего“, — кается онъ, но не можетъ исправиться. „Не отъ міра сего“ — это метафизическая сущность христіанства вообще и восточнаго, подвижническаго, православнаго — въ частности.

Не даромъ родъ Бѣлинскихъ — старинный „духовный“ родъ. Дѣдъ Виссаріона Григорьевича, о. Никифоръ, былъ священникомъ въ селѣ Бѣлыни Пензенской губерніи; выростивъ дѣтей, онъ удалился отъ своихъ и провелъ остатокъ жизни въ постѣ и молитвѣ, полузатворникомъ; въ семьѣ его считали „святымъ“.

Внукъ вышелъ въ дѣда. „Бѣлинскій велъ жизнь чуть не монашескую“, — вспоминаетъ Тургеневъ. — „Наша участь — схимничество“. — „Какъ поглубже всмотришься въ жизнь, то поймешь и монашество, и схиму“, — говоритъ самъ Бѣлинскій, не подозревая, изъ какой глубины это сказано.

Монашество — чистѣйшая закваска христіанской духовности, безплотности — не въ умѣ, не въ сознаніи, даже не въ чувствѣ и волѣ, а въ крови или гдѣ-то еще глубже крови, въ первозданномъ существѣ этого перваго русскаго интеллигента „безбожника“.

„Монашество“ для Бѣлинскаго — не подвижничество, не призваніе, а, какъ онъ самъ говоритъ, „участь“, предопредѣленіе, судьба, злая или добрая, но неодолимая.

„Монахъ“ — отъ чрева матерняго. „Родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея, сосалъ рожокъ, и то, если молоко было прокислое и гнилое, свѣжаго не могъ брать“. Вотъ когда началъ „поститься“, „подвижничать“.

„Мать была охотница рыскать по кумушкамъ: я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою: чтобы я не беспокоилъ ее, она меня душила и била... Потомъ отецъ меня терпѣть не могъ — ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно — вѣчная ему память!“ Вспоминаетъ объ отцѣ и матери только для того, чтобы отречься отъ нихъ: у монаха ни отца, ни матери.

Послѣ горькаго дѣтства — юность еще горшая: нищета, голодъ и холодъ. „Хлѣба нѣтъ... Пишетъ эти строки, я безпрестанно бросаю перо, чтобы у печки отогрѣвать мои окоченѣвшія руки, по-

тому что въ комнатѣ хоть волковъ морозъ“... — „Я весь обносился, шинелишка развалилась, и мнѣ нечѣмъ защищаться отъ холода“.

Уже знаменитымъ писателемъ (въ срединѣ 30-хъ годовъ) живетъ въ Москвѣ, въ какомъ-то захолустьи между Трубой и Петровкой: внизу работаютъ кузнецы; пробираться къ нему надо по грязнѣйшей лѣстницѣ; рядомъ съ его каморкою — прачечная, изъ которой несутся испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла; комната не запирается, потому что въ ней „украсть нечего“.

Обѣта нищеты не давалъ — напротивъ, ненавидитъ и проклиняетъ ее; но не умѣетъ жить иначе: деньги, какъ вода, проходятъ у него сквозь пальцы. Нищета явная, тайная „безсребренность“, — тоже добродѣтель монашеская.

„Бѣлинскій не былъ никогда любимъ женщиной... Сердце его безмолвно и тихо истлѣло“ (Тургеневъ).

„Меня преслѣдовала мысль, что природа заклеимила лицо мое проклятіемъ безобразія и что потому меня не можетъ любить ни одна женщина“.

Никто такъ не чувствуетъ соблазна женскаго, какъ великіе дѣвственники.

„Мнѣ кажется, я влюбленъ страстно во все, что носитъ юбку. При видѣ женщины или промелькнувшаго женскаго платья, я уже не

краснѣю, но блѣднѣю, дрожу и чувствую голо-
вкруженіе“.

Влюбленъ во всѣхъ, не любитъ ни одной.
Кажется, что любить, а какъ доходить до дѣла,
все „кончается ничѣмъ“. Что-то мѣшаетъ ему,
отталкиваетъ отъ женщинъ. Не чувство-ли пола
и вообще плоти, какъ неразложимое чувство
грѣха — фізіологическій корень монашества?

Для монаха нѣтъ любви, есть похоть; пѣтъ
брака, есть блудъ.

„Я бросился въ развратъ и искалъ въ немъ
забвенія, какъ пьяница ищетъ въ винѣ“. —
„Холоденъ и ужасенъ былъ мой развратъ“. —
„Не проходитъ почти вечера у меня безъ при-
ключенія, то на Невскомъ, то на улицѣ, то на
канавѣ, то чортъ знаетъ гдѣ; я уже не раз-
бираю лица... Это развратъ отчаянія“.

„Внутри что-то реветъ звѣремъ и хочетъ
оргій, оргій и оргій, самыхъ буйныхъ, самыхъ
безчинныхъ, самыхъ гнусныхъ... Но вотъ бѣда:
другіе хотъ ужинать могутъ, а я отказываюсь
отъ хорошаго ужина, чтобы отъ него три дня
не страдать животомъ“. — „Я не способенъ возвы-
ситься даже и до оргій, — судьба и въ этомъ отка-
зала мнѣ. Развѣ это оргія — преблагоразумно
разсуждать о томъ, какъ предательски обманчива
чувственность: сулитъ много, а даетъ—ничего?“

И блудъ, какъ любовь, кончается ничѣмъ.
Всѣ эти мимолетные женскіе образы, у которыхъ

даже лица нельзя разобрать, — безплотныя видѣнія, „искушенія св. Антонія“: когда онъ хочетъ обнять ихъ, то обнимаетъ ничто. Пль — ничто, плоть — ничто, „обманъ діавола“, — это уже метафизическій корень монашества.

„Я не могу видѣть въ одной женщинѣ условіе жизни“. — „Лучше сгнить въ развратѣ, чѣмъ вздыхать о жестокой дѣвѣ“. — „Бракъ — что это такое? Установленіе людоѣдовъ, оправданное религіею“ ...

Тутъ утвержденіе безбрачія, какъ „житія равноангельнаго“, не по св. Антонію или Пахомію, а по Сэнъ-Симону и Жоржъ-Зандъ; но сущность та же: бракъ хуже блуда — ожесточенная мысль ожесточеннаго монашества-скопчества.

Женится, такъ же, какъ бросается въ развратъ, отъ отчаянія. Брачная жизнь его — сплошное самоистязаніе, умерщвленіе духа и плоти.

Явный бракъ, явный блудъ — тайная „дѣвственность“ или „скопчество“.

II.

По природѣ — „монахъ“, а по условіямъ русской жизни — „мученикъ“.

Недоучившійся студентъ, исключенный изъ университета, будто бы по „ограниченности способностей“, а на самомъ дѣлѣ за „вредный образъ мыслей“, онъ испыталъ, какъ никто, участь русскаго писателя — неклеименнаго каторжника, непойманнаго бѣглаго. — „Я все равно что бѣглый“...

Одинъ полицейскій чиновникъ, „покровитель талантовъ“, заявилъ, что имя Бѣлинскаго равно имени „государственнаго преступника“.

— „Когда же къ намъ? У меня совсѣмъ готовый тепленькій казематъ, такъ для васъ и берегу!“ — шутилъ съ нимъ, встрѣчаясь на Невскомъ, генераль Скобелевъ, комендантъ Петропавловской крѣпости.

Умирающаго, приглашаютъ его къ III-е отдѣленіе. За ходомъ его агоніи слѣдитъ полиція. Только внезапная смерть избавила его отъ физическаго мученичества.

„Я привыкъ подъ обухомъ писать“ — подъ обухомъ николаевской цензуры и „подлеца“ Краевского. „Занятіе пошлостью и мерзостью, извѣстною подъ именемъ русской литературы“, мучаетъ его; но онъ все-таки любитъ ее и за это мученіе. — „Умру на журналѣ, и въ гробъ велю положить книжку Отечественныхъ Записокъ... Литературѣ расейской — моя жизнь и моя кровь“. — „Если бы чернила всѣ вышли, я отворилъ бы жилы и писалъ бы кровью“.

Писатель, впрочемъ, не столько по призванію, сколько по необходимости: ему въ Россіи больше дѣлать нечего. Литература для него — не созерцаніе, а дѣйствіе, не отраженіе, а подлинникъ жизни.

Въ художественныхъ оцѣнкахъ Бѣлинскаго — неимовѣрные промахи.

„Данте совсѣмъ не поэтъ, а его *Divina Commedia* просто символика“. — Вторая часть „Фауста“ — „галиматья“. — „Мнѣ кажется, у васъ чисто-творческаго таланта или нѣтъ вовсе, или очень мало“, — говоритъ Бѣлинскій Тургеневу. — „Достоевскій — ерунда страшная“.

Однажды съ яростью напалъ на Пушкина:

„Печной горшокъ тебѣ дороже“...

— И, конечно, конечно, дороже. Прежде, чѣмъ любоваться красотой истукана, мое право, моя обязанность накормить своихъ и себя!“ („Воспоминанія“ Тургенева).

Этотъ „печной горшокъ“ — будущее императорское „разрушеніе эстетики“ — не то же ли христіанское „умерщвленіе плоти“, монашество?

Монашество — чистѣйшее православіе, на слѣдіе о. Никифора, и есть „русская суть“ Бѣлинскаго.

„Онъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ... Онъ чувствовалъ русскую суть, какъ никто“ (Тургеневъ).

„Чѣмъ больше живу и думаю, тѣмъ больше, кровнѣе люблю Русь“. — „Любовь моя къ родному, русскому — страдальческое чувство“. — „Дураки славянофилы, думающіе, что европеизмъ насъ выродилъ, и что между русскимъ мужикомъ и русскимъ профессоромъ легла бездна“.

Русская дѣйствительность приводитъ его въ отчаяніе: „грязно, мерзко, возмутительно, нечеловѣчески“. Но онъ все-таки не можетъ жить внѣ этой дѣйствительности. „Странное дѣло: онъ изнывалъ за-границей отъ скуки, его такъ и тянуло назадъ въ Россію: ужъ очень онъ былъ русскій человѣкъ, и внѣ Россіи замиралъ, какъ рыба на воздухъ“ (Тургеневъ). Едва ли даже не одна изъ слабостей Бѣлинскаго именно то, что онъ былъ слишкомъ русскій, только русскій человѣкъ. „У насъ двѣ родины — наша Русь и Европа“, — не могъ бы онъ сказать, подобно Достоевскому.

„Я видѣлъ чудную природу... Но это скоро надоѣло мнѣ“. — „Гулять не хочется, да и негдѣ: тѣснота страшная, всюду люди. Приѣхавъ въ Зальцбруннъ, я началъ выкладывать чемоданъ, и мнѣ сдѣлалось такъ грустно, что хотъ и плакать“.

Когда Бакунинъ предложилъ ему покинуть навсегда Россію, Бѣлинскій пришелъ въ ужасъ:

— „Бакунинъ — космополитъ въ душѣ... А что же я-то буду дѣлать, если меня оторвать отъ моей почвы?... Вѣдь, это было бы то же, что захотѣть развести въ Италіи березовую рощу“.

„Онъ билъ по щекамъ свою мать-Россію“, — говоритъ Достоевскій. Не понявъ „русской сути“ Бѣлинскаго, перваго русскаго интеллигента и всей русской интеллигенціи Достоевскій не понялъ въ Россіи чего-то самаго главнаго, самаго русскаго.

Въ жилахъ Бѣлинскаго текла непримѣсная кровь нашего духовенства, столько вѣковъ недоступная вліянію иностранной породы“ (Тургеневъ). Въ Достоевскомъ больше, чѣмъ въ Бѣлинскомъ, чувствуется „вліяніе иностранной породы“.

Въ своемъ имперіализмѣ и націонализмѣ, въ идеѣ русскаго „народа-богоносца“, отзывающейся чуждымъ привкусомъ мессіанизма польскаго или даже нѣмецкаго (вліяніе Гегеля на

всѣхъ вообще славянофиловъ), въ своемъ смѣ-
шеніи старца Зосимы полуаѳонскаго, полупталъ-
янскаго (Францискъ Ассизскій) съ Великимъ
Инквизиторомъ совершенно-католическимъ, До-
стоевскій, какъ это ни странно, — менѣе русскій
человѣкъ и даже менѣе „православный“, чѣмъ
„безбожный интеллигентъ“ Бѣлинскій въ своемъ
христіанствѣ безсознательномъ.

III.

„Подвижникъ“, „схимникъ“ „мученикъ“, но безъ вѣры, безъ Бога, безъ Христа. Можетъ ли это быть? А если не можетъ, то въ чемъ вѣра его? Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ — „Письма Бѣлинскаго“.

„Нѣтъ несчастіе людей, подобныхъ мнѣ, пока они не найдутъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ прочной точки опоры для своей жизни... Такіе люди — вѣчные мучители самихъ себя“. — „Знаете ли вы, что такое ревность о Господѣ, снѣдающая человѣка?... Что человѣкъ безъ Бога? Трупъ холодный“.

Вотъ удивительное признаніе въ устахъ „безбожника“. Если такъ, то безбожіе Бѣлинскаго, („этотъ человѣкъ ругалъ мнѣ Христа“), безбожіе перваго русскаго интеллигента, а можетъ быть, и всей русскаго интеллигенціи — вовсе не конецъ, а начало пути, не то, къ чему мы пришли, а то, отъ чего мы идемъ, и, можетъ быть, убѣгаемъ, спасаемся?

„Въ душѣ моей есть то, безъ чего я не могу жить, есть вѣра, дающая мнѣ отвѣты на всѣ

вопросы. Но это уже не вѣра и не знаніе, а религіозное знаніе или сознательная религія“. Онъ ошибается: именно религіознаго знанія, сознанія нѣтъ у него, а есть только религіозная стихія — религіозная, вообще, и христіанская, православная, „монашеская“ въ частности.

Почему же не принимаетъ онъ сознанія, которое этой стихіи соотвѣтствуетъ, — сознанія православно-церковнаго? Потому что религіозная стихія — „монашество“ — только одна половина существа его, а другая половина противоположная — стихія революціонная — „неистовство“: „Виссаріонъ Неистовый“, по кличкѣ друзей.

„Неистовство“, такъ же, какъ монашество, не въ умѣ, не въ сознаніи, даже не въ чувствѣ и волѣ, а въ крови или глубже крови, въ какомъ-то первозданномъ существѣ Бѣлинскаго.

„Я одаренъ подвижностью впередъ“. „Неистовство“ и есть эта вѣчная „подвижность“, мятежность, революціонность. Но православіе и какъ ему казалось, христіанство, религія вообще есть вѣчная недвижность или движеніе назадъ, въ глубокомъ, метафизическомъ смыслѣ „реакція“.

Нельзя человѣку жить безъ Бога; „человѣкъ безъ Бога — трупъ холодный“. Но „въ словахъ Богъ и религія вижу тьму, мракъ, цѣпи и кнутъ“. Вотъ противорѣчіе, какъ будто безыс-

ходное, главная трагедія Бѣлинскаго, перваго русскаго интеллигента и всей русской интеллигенціи: религія безъ догмата, вѣра безъ Бога, христіанство безъ Христа.

Жажда вѣры неутолимая, „снѣдающая чело-вѣка ревность о Господѣ“ — и отсюда вѣчная „движимость“, „стремительное домогательство истины“, какъ опредѣляетъ Тургеневъ Бѣлинскаго. — „Лучше хочу, чтобы сердце мое разорвалось на куски отъ истины, нежели блаженствовать ложью“, — какъ онъ самъ себя опредѣляетъ.

„Въ бѣшенствѣ я никому на свѣтѣ не уступлю“. — „Я освирѣпѣлъ, опьянѣлъ отъ этихъ идей... сорвался съ цѣпи... взревѣлъ“... — „Вознеистовствовалъ“... Все равно, отъ какихъ идей. Отъ всякихъ. Отвлеченнѣйшія идеи для него предметъ не мысли, а чувства, „неистойвой“ любви и ненависти.

„Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ!“ — пишетъ онъ обращенному въ православіе Гоголю. И въ самомъ дѣлѣ, покушеніе на мысль — покушеніе на жизнь Бѣлинскаго, потому что никто такъ не живетъ мыслью, какъ онъ.

Мысль—жизнь, мысль—страсть и страданіе,— въ этомъ главный даръ его, „талантъ“, не столько, впрочемъ, писательскій, сколько чело-вѣческій.

„Сила моя не въ талантѣ, а въ страсти“. Въ страсти и въ страданіи. — „Для меня думать и чувствовать, понимать и страдать — одно и то же“. — „Идеи нельзя навязать: она сама вгрызается“. Идеи вгрызаются не только въ умъ, но и въ сердце Бѣлинскаго.

Вотъ почему кажущаяся жизнь ума его дѣйствительная жизнь сердца.

„Я или весь трепетная, страстная, томительная любовь, или просто ничто, дрянь такая, что только поплевать да бросить“. — „Процессы моего духа всегда осуществляются въ обстоятельствахъ потрясающихъ и ужасныхъ... Я хватился за голову, боясь, ужъ не сошелъ ли я съ ума, и подходилъ безпрестанно къ зеркалу, чтобы посмотрѣть, не посѣдѣли ли мои волосы“.

Въ одномъ онъ ошибается, и отъ этой ошибки — вся его религіозная беспомощность: думаетъ, что чувство и воля, „вѣра“ его идутъ отъ мысли, отъ сознанія, а на самомъ дѣлѣ, наоборотъ: мысли его идутъ отъ чувства и воли, отъ вѣры бессознательной.

Что мысль, какъ мысль, какъ отвлеченная діалектика, ему ни на что не нужна, — онъ это и самъ сознаетъ. — „Я ненавижу мысль“...

„Отвлеченная мысль ниже, бесполезнѣе, дряннѣе опыта“. — „Моя природа враждебна мышленію“.

„Такъ ужъ я созданъ, такая моя натура: разсужденіе никогда и ничего мнѣ не доказываетъ.“

Ему важно не то, что соединяетъ, связываетъ мысли, выводитъ ихъ одну изъ другой, а то, что раздѣляетъ ихъ, противопоставляетъ. И даже не сами мысли, а то, что между ними или за ними — вѣчная „движимость“ воли и чувства, т. е., въ послѣднемъ счетѣ, опять-таки „вѣра“.

Вотъ почему вся умственная жизнь его — сплошная цѣпь не только антиномій метафизическихъ, но и противорѣчій логическихъ. Вотъ почему онъ мыслить тоже „неистово“, скачками, паденіями и взлетами — „зигзагами“.

„Какими зигзагами совершалось мое развитіе!“ — „Ты знаешь мою натуру: она вѣчно въ крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи“. — „У меня, что ни день, то новое убѣжденіе“. — „Годъ назадъ я думалъ діаметрально противоположное тому, какъ думаю теперь... Я теперешній болѣзненно ненавижу себя прошедшаго“. — „Переходить отъ одной дѣтскости къ другой... право, стыдно писать, — вѣдь, завтра же покажется глупо“. Вчера — „абсолютная истина“, завтра — „дичь:“ „дичь, которую я изрыгалъ въ неистовствѣ съ пѣною у рта“.

„Необычайная стремительность къ воспріятію новыхъ идей съ необычайнымъ желаніемъ каждый разъ растоптать все старое съ ненавистью, съ оплеваніемъ, съ позоромъ. Какъ бы жажда отмщенія старому“.

Это вѣрно замѣчаетъ Достоевскій, но опять-таки не понимаетъ главнаго: что все сознательное мышленіе Бѣлинскаго — безсознательные поиски вѣры; что его безбожіе явное — тайная жажда Бога; что вѣчная „движимость“ его, „неистовство“ не что иное, какъ „снѣдающая“ человѣка ревность о Господѣ“.

А не понявъ этого, Достоевскій ничего не понималъ или, хуже того, понималъ все наизуворотъ въ первомъ русскомъ интеллигентѣ и во всей русской интеллигенціи.

IV.

„Богъ былъ моею первою мыслью, человечество — второю, человекъ — третьей и послѣдней“.

Таковы три мысли, три вѣры Бѣлинскаго. Въ своемъ сознаніи, чтобы перейти къ мысли о человечествѣ и о человекѣ, онъ отказывается отъ мысли о Богѣ, дѣлается „безбожникомъ“. Но что-то сильнѣе сознанія мѣшаетъ ему, возвращаетъ послѣднюю мысль о человекѣ къ первой мысли о Богѣ.

Бѣлинскій такъ и не сумѣлъ замкнуть кругъ своего сознанія, свести концы съ концами, соединить три мысли, три вѣры въ одну. Но недаромъ выходитъ одна изъ другой, одна продолжаетъ другую. И недаромъ все три вспоминаются вмѣстѣ, въ какомъ-то единствѣ несознанномъ. Замкнуть кругъ сознанія, соединить первую мысль о Богѣ съ послѣднею — о человекѣ — нельзя иначе, какъ въ мысли о Богочеловекѣ, о Христѣ.

„Этотъ человекъ ругалъ мнѣ Христа“. Но только о Христѣ и думалъ, только Христомъ и

жилъ, потому что эти три мысли — вся жизнь Бѣлинскаго, а онѣ всѣ три объ одномъ — о Христѣ, хотя и бессознательно или полусознательно.

Полусознание, раздвоение сознанія — отъ раздвоенія чувства и воли, бессознательныхъ. Какъ бы два Бѣлинскихъ: внукъ о. Пикифора, „монахъ“ отъ чрева матерняго, тотъ, который говоритъ: „я человекъ не отъ міра сего“, — Виссаріонъ Смиренный; и „безбожникъ“, мятежникъ, человекъ, одаренный вѣчною „движимостью“, тотъ, который говоритъ: „я въ мірѣ боецъ“, — Виссаріонъ Неистовый. Одинъ — въ религіи, другой — въ революціи. Отъ одного къ другому, отъ „монашества“ къ „неистовству“, отъ религіи къ революціи — таковъ путь Бѣлинскаго, перваго русскаго интеллигента и, можетъ быть, всей русской интеллигенціи.

Мысль о Богѣ совпадаетъ съ его увлеченіемъ умозрительной философіей Гегеля.

„Внѣ мысли, все — призракъ; одна мысль существенна... Что такое ты самъ? Мысль, облеченная тѣломъ... Философія есть наука идеи чистой, отрѣшенной“. — „Конкретная жизнь только въ блаженствѣ абсолютнаго знанія“. „Истинная свобода человека основана на царствѣ чистаго разума“.

И отсюда выводъ: „Политика у насъ, въ Россіи, не имѣетъ смысла... Самодержавная

власть даетъ намъ полную свободу мыслить“.—
„Не суйся въ дѣла, которыя тебя не касаются...
Къ чорту политику!“

Самодержавіе съ православіемъ,—вѣчная не-
движимость или движеніе назадъ—къ о. Ни-
кифору, къ дѣдамъ и прадѣдамъ, ко всему ду-
ховному роду Бѣлинскихъ. Тутъ философская
отвлеченность—монашеская отрѣшенность отъ
міра: „наша участь—схимничество“. Тутъ Вис-
саріонъ Смиренный—одна половина Бѣлинскаго.
А вотъ и другая.

„Боже мой, страшно подумать, что со мною
было—горячка или помѣшательство ума,—я
словно выздоравливающій“. — „Къ чорту всѣ
мечты! Хорошо только то, что можно рукой
достать. Самая пошлая дѣйствительность лучше
жизни въ мечтахъ“. — „Дѣйствительность!“ —
твержу я, вставая и ложась спать, днемъ и
ночью“. — „Что моя абсолютность? Я отдалъ бы
ее, еще съ придачею послѣдняго сюртука, за
полноту, съ какой иной офицеръ спѣшитъ на
балъ, гдѣ много барышень, и скачетъ штап-
дартъ“. — „Лучше хочу быть пошлякомъ, нежели
чѣмъ-нибудь примѣчательнымъ“. — „Идеаль-
ность—моя хроническая болѣзнь“. — „У меня
бывали минуты простоты, но я упрекалъ
себя за нихъ, какъ за паденіе,—начиналъ
мыслить и дѣлался осломъ“. — „Отвлеченная
мысль ниже, бесполезнѣе, дряннѣе опыта“.—

„Ненавизку мысль“. — „Я хватился за умъ, и теперь за пощлуу, за улыбку охотно плюну на философію, на науку, на мысль, на все“. — „Авторитеты шлепнулись. Теперь дышу свободнѣе“.

Таковъ первый бунтъ Виссаріона Пенетоваго, начало вѣчной „движимости“: выходъ изъ монашества въ міръ, изъ отвлеченности въ дѣйствительность.

Но вотъ бѣда: сдѣлаться дѣйствительнымъ не такъ-то легко. „Чувствую свою педѣйствительность“. — „Мы были призраками и умремъ призраками, но не мы виноваты въ этомъ. Дѣйствительность возникаетъ на почвѣ, а почва всякой дѣйствительности — общество. А мы на общество смотримъ, какъ на кучу смраданаго помета...“ — „Съ дѣйствительностью мы въ ссорѣ и по праву ненавидимъ и презираемъ ее, какъ и она по праву ненавидитъ и презираетъ насъ“. — „Какая намъ жизнь? Въ чемъ она? Гдѣ она? Мы люди внѣ общества, потому что Россія — не общество“.

Такъ возникаетъ мысль о человѣчествѣ обществѣ.

„Я теперь въ новой крайности, это идея социализма, которая стала для меня идеєю идей, бытіемъ бытія, вопросомъ вопросовъ, альфой и омегой вѣры и знанія. Все изъ нея, для нея и къ ней“. — „Соціальность, социальность или смерть!“

Эта мысль о человѣчествѣ-обществѣ — революціонная. Тутъ впервые Виссаріонъ Неистовый сознаетъ свою сущность, свое неистовство.

„Люди такъ глупы, что ихъ надо насильно вести къ счастью. Да и что кровь тысячей, въ сравненіи съ униженіемъ и страданіемъ милліоновъ?“ — „Я начинаю любить человѣчество маратовски: чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечемъ истребилъ бы остальную“. — „Начинаю понимать революцію: лучшаго люди ничего не сдѣлаютъ“.

„Всѣхъ стариковъ перевѣшаль бы!.. Хотѣлось бы быть ихъ палачемъ... потонуть въ ихъ крови!“

Революція отрицаетъ религію, мысль о человѣчествѣ отрицаетъ мысль о Богѣ.

„Въ словахъ Богъ и религія вижу тьму, мракъ, пѣпи и внуть“. — „Къ дьяволу всѣ преданія... формы и обряды! Да здравствуетъ одинъ разумъ и отрицаніе. Отрицаніе — мой Богъ!“

Здѣсь крайняя точка Виссаріонова неистовства. Дальше итти некуда. Неистовый уничтожилъ Смиреннаго. Тутъ уже не только атеизмъ, бозбожіе, но и противобожіе, „анти-теизмъ“ друга Бѣлинскаго, анархиста Бакунина.

Казалось бы такъ. Но вотъ изъ мысли о человѣчествѣ-обществѣ возникаетъ мысль о человѣкѣ-личности.

Какъ совершился въ Бѣлинскомъ этотъ послѣдній переворотъ, не только умственный, но и жизненный, мы хорошенько не знаемъ. Кажется, большое вліяніе имѣли на него тяжелая болѣзнь, предчувствіе своей собственной смерти и смерть друга, Ник. Вл. Станкевича.

„Ты говоришь, что при извѣстіи о смерти Станкевича тебя вдругъ схватилъ вопросъ: что же стало съ нимъ“, — пишетъ Бѣлинскій М. В. Боткину (1840). — „А развѣ это пустой вопросъ? Развѣ безъ его рѣшенія возможно примиреніе? Если такъ, то ты не любишь Станкевича и еще ни разу не терялъ любимаго человека. Нѣтъ, я такъ не отстаю отъ этого Молоха, котораго философія назвала Общимъ, и буду спрашивать у него: куда дѣлъ ты его и что съ нимъ стало?“

Вопросъ о безсмертіи есть не что иное, какъ религіозный вопросъ о личности.

Не потому ли Бѣлинскій разочаровался въ социализмъ, по крайней мѣрѣ, въ социализмъ, какъ религію, что Молохъ общности, „соціальности“, точно такъ же какъ Молохъ Общаго, не отвѣтилъ ему на религіозный вопросъ о личности?

„Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества“. — „Личность, человѣческая сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти

съ ума“. — „Судьба личности важнѣе судьбъ всего міра“. — „Мнѣ говорятъ: лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься — падай, чортъ съ тобою!.. Благодарю покорно... но, если бы мнѣ удалось влѣзть, — я и тамъ попросилъ бы. отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи... иначе я бросаюсь внизъ головою“ ...

Это уже бунтъ Ивана Карамазова: „почтительнѣйше билетъ мой возвращаю Богу“. Здѣсь еще нѣтъ религіознаго утвержденія, но есть отрицаніе отрицанія — единственно возможное въ религіи „доказательство отъ противнаго“.

Если нѣтъ бессмертія, нѣтъ Бога, то „все глухо, ничтожно и всякій нуль равенъ нулю“. — „Мысль о тщетѣ жизни убила во мнѣ даже самое страданіе“.

„Я не понимаю, къ чему все это и зачѣмъ: вѣдь, все равно, умремъ и сгніемъ... Таковъ вѣчный законъ Разума. Ай да разумъ!“ — „Скучно на этомъ свѣтѣ, а другого нѣтъ!“ — „Внутри ношу смерть и пустоту“. — „Въ душѣ холодъ, сырость и смрадъ могилы“. — „Я держался глупостью, подпора упала, и я падаю съ нею“. — „Умираю всѣми смертями“.

Это и значитъ: „нельзя человѣку жить безъ Бога“. Такъ послѣдняя мысль о человѣкѣ-личности, хотя и отрицательно, „отъ противнаго“, соприкасается съ первою мыслью о Богѣ.

Кругъ сознанія не замкнуть, но когда замкнется, то, можетъ быть, и революціонная мысль о человѣчествѣ-обществѣ соединится съ религіозною мыслью о человѣкѣ-личности. Какъ соединится, Бѣлинскій самъ еще не знаетъ, но часто не помимо Христа, — уже предчувствуется.

Въ томъ же письмѣ къ Гоголю, гдѣ утверждается вѣчная связь человѣческаго рабства съ Богомъ, Бѣлинскій восклицаетъ неожиданно:

„Христа-то зачѣмъ вы примѣняли тутъ? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечатлѣлъ истину своего ученія“.

Свобода, равенство, братство — революціонная истина о человѣчествѣ-обществѣ. Но она во Христѣ, хотя бы только въ Сынѣ Человѣческомъ, — утверждаетъ Бѣлинскій. Но въ Немъ же, во Христѣ, и религіозная истина о человѣкѣ-личности. „Цѣль христіанской религіи — возведеніе личности до субстанціи“, т. е. до Бога, — говоритъ Бѣлинскій такъ ясно и отчетливо, какъ только можно сказать. „Самъ Спаситель сошелъ на землю и страдалъ за личнаго человѣка“. — „Евангеліе для меня абсолютная истина а безсмертіе индивидуальнаго духа есть основаніе его камень“.

Если замкнуть кругъ сознанія, свести концы съ концами, то, вѣдь, это и значитъ: въ истинѣ о Богочеловѣкѣ соединяются обѣ истины: рели-

гіозная — о челоуѣкѣ-личности — и революціонная — о челоуѣчествѣ-обществѣ.

Религіозное сознаніе Бѣлинскаго мерцаетъ, колеблется, какъ потухающее пламя безъ воздуха; но и потухая, озаряетъ послѣднею вспышкою такія глубины религіозной жизни безсознательной, что тутъ рядомъ съ нимъ можно поставить одного только челоуѣка въ Россіи — здѣшняго врага его, Достоевскаго.

„Отверженіе здѣшней жиуни есть отверженіе всякаго бытія. Безъ глубокой страдальческой любви къ земной жиуни мнѣ непонятна жиуни по ту сторону гроба“.

Эта страдальческая любовь къ землѣ, соединяющая землю съ небомъ, не то же ли, что „цѣлованіе земли“, которымъ Алеша преодоуѣваетъ бунтъ Ивана Карамазова, — не глубочайшая ли религіозная мысль Достоевскаго?

V.

Бѣлинскій — человекъ не слова, а дѣла. Онъ это и самъ сознаеть. А сознать это въ Россіи значитъ сознать себя „заживо зарытымъ въ гробу, да еще со связанными назадъ руками“. Его писанія — гробъ заживо: судить по нимъ о Бѣлинскомъ можно не болѣе, чѣмъ о живомъ лицѣ по мертвому. И это онъ тоже сознаеть.

„Умирать съ мыслью, что ничего не сдѣлалъ, хуже всего“, — сказалъ онъ однажды, незадолго до смерти (П. В. Анненкову).

„Энергія и невозможность дѣла сломили его, возможность внутренняя и невозможность внешняя превращаютъ силы въ ядъ“, — говоритъ о немъ Герценъ.

Погибъ, несчастливъ и не знаемъ, — говоритъ о немъ Некрасовъ.

Погибъ въ пустотѣ, въ отвлеченности, въ „недѣйствительности“, въ „идеальности“. Ничего не сдѣлалъ, но все-таки былъ, и отъ его бытія — наше, бытіе всей русской интеллигенціи. Если всю ее соединить въ одно лицо, то

будетъ онъ; если раздробить его лицо на множество, то будетъ она. Отъ „мизерабельной“ вѣщности до глубочайшей метафизической сущности, Бѣлинскій, первый русскій интеллигентъ, и вся русская интеллигенція схожи — „голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ“, какъ говорится о близнецахъ сказочныхъ.

„Въ послѣдній разъ я была у Бѣлинскаго за недѣлю до его смерти, — рассказываетъ одна современница. — Застали мы его полулежащимъ на креслѣ, лицо у него было совершенно мертво, но глаза — огромные и блестящія; всякое дыханіе его было стонъ. Передъ самою смертію онъ говорилъ два часа, не переставая, какъ будто къ русскому народу, и часто обращался къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова, кому слѣдуетъ; но изъ этой длинной рѣчи почти ничего уже нельзя было разобрать“.

Вся русская интеллигенція — истолкованіе этой неслышанной рѣчи, этого предсмертнаго завѣта Бѣлинскаго.

До 1905 года возрасталъ духъ русской интеллигенціи, духъ Бѣлинскаго; потомъ началъ умяляться, и въ наши дни умялился, какъ еще никогда. Съ 1905 года началъ возрастать духъ Достоевскаго и въ наши дни возросъ, какъ еще никогда.

Великая правда Достоевскаго — въ личности, великая ложь его — въ общественности. Нынѣ грозящій намъ націонализмъ „звѣринаго образа“, утвержденіе народности безбожное и безчеловѣчное есть въ значительной мѣрѣ дѣло Достоевскаго. Преодолѣть ложь Достоевскаго можно только правдой Бѣлинскаго. „Да будетъ проклята всякая народность, исключаящая изъ себя челоуѣчность!“ — эта правда Бѣлинскаго намъ сейчасъ нужнѣе всего. Да, какъ это ни странно, намъ сейчасъ религіозно нужнѣе Достоевскаго, „пророка Божьяго“, — „безбожникъ“ Бѣлинскій.

Бѣлинскій „ругаль Христа“ на словахъ, а на дѣлѣ шелъ ко Христу единому, хотя и съ закрытыми глазами, ощупью. Достоевскій Христа неповѣдывалъ, а на дѣлѣ вѣчно колебался между Христомъ и Антихристомъ, между старцемъ Зосимой и Великимъ Инквизиторомъ.

„Этотъ челоуѣкъ ругаль мнѣ Христа, а между тѣмъ, никогда онъ не былъ способенъ самъ себя и всѣхъ двигателей всего міра сопоставить со Христомъ для сравненія“, — говоритъ Достоевскій. Вотъ это-то сопоставленіе со Христомъ „двигателей міра“, т. е. революціоннаго челоуѣчества кажется Достоевскому хулой на Духа непрощаемой, потому что духъ свободы челоуѣческой для него — „духъ антихристовъ“.

Религія уничтожаетъ революцію. Достоевскій

уничтожаетъ Бѣлинскаго. Уничтожаетъ ли? Въ этомъ весь вопросъ. Нѣтъ ли такого пониманія религiи, такого утвержденiя Бога, которое включаетъ въ себя утвержденiе свободы человѣческой?

Бѣлинскiй не сумѣлъ бы отвѣтить, ни даже поставить этотъ вопросъ въ своемъ сознанiи, но только и мучился имъ бессознательно. Свобода безъ Бога или Богъ безъ свободы? Ни то, ни другое, а свобода съ Богомъ. Не объ этомъ ли неслышанная рѣчь его, предсмертный завѣтъ русскому народу?

Споръ Достоевскаго съ Бѣлинскимъ — споръ въ самомъ Бѣлинскомъ двухъ началъ — религiознаго и общественнаго, — Виссарiона Смиренаго и Виссарiона Неистоваго. У одного Богъ безъ свободы, у другого свобода безъ Бога.

Какъ соединить свободу съ Богомъ? Бѣлинскiй искалъ соединенiя, но не нашель. Найти его и значить исполнить завѣтъ Бѣлинскаго.

VI.

Я кончу тѣмъ же, чѣмъ началъ.

Сейчасъ больше, чѣмъ когда-либо, русская интеллигенція должна сознавать себя реальною силою, — народнымъ сознаниемъ, народною совѣстью. Но вотъ на обвиненіе русской интеллигенціи въ безбожїи, какъ въ не-народности, до сихъ поръ не отвѣчено, какъ слѣдуетъ.

Пусть Достоевскій ошибается: пусть русский народъ не „богоносецъ“ въ смыслѣ особаго, исключительнаго призванія мессіанскаго; но онъ все-таки народъ не безъ Бога, христіанскій, крестьянскій народъ, — недаромъ „крестьянство“ и значитъ „христіанство“. У такого народа не можетъ быть безбожное сознание, безбожная совѣсть, — въ этомъ Достоевскій правъ.

Но на примѣрѣ Бѣлинскаго мы видѣли, въ какомъ противорѣчїи находится явное безбожіе интеллигентскаго сознанія съ тайною религіозностью интеллигентской совѣсти. Отъ этого противорѣчїя — вся наша слабость, безответность передъ тѣми, кто обвиняетъ насъ въ не-народ-

ности. Надо уничтожить это противорѣчіе, чтобы сдѣлаться сильными.

Религіозная совѣсть русской интеллигенціи глубже, чѣмъ ея безбожное сознаніе. Мы вѣримъ въ то же, во что вѣритъ народъ, — только еще сами не знаемъ, что вѣримъ. А надо знать, потому что, рано или поздно, народъ спроситъ насъ, во что мы вѣримъ, и отъ нашего отвѣта будетъ зависѣть, съ нами или не съ нами народъ.

Сейчасъ, на поляхъ сраженій, русская интеллигенція умираетъ за одно съ народомъ, потому что любить съ нимъ одно. Любить одно, а вѣрить или думать, что вѣрить въ разное. Пусть не думаетъ, пусть не боится, что принятіе вѣры народной есть отреченіе отъ того, отъ чего мы не можемъ и не должны отрекаться — отъ сознанія, отъ совѣсти. Вѣдь, опять-таки на примѣрѣ Бѣлинскаго мы видѣли, что наша совѣсть вся насквозь религіозная, христіанская. Намъ нужно измѣнить наше сознаніе, не измѣняя нашей совѣсти. Но измѣнить сознаніе не значитъ отречься отъ себя, отъ своей интеллигентской сущности: вѣдь, если мы будемъ вѣрить съ народомъ въ то же, во что и раньше вѣрили, но уже не такъ, — то и народъ съ нами будетъ вѣрить въ то же, но уже не такъ, какъ раньше вѣрилъ. Мы многое возьмемъ отъ народа, но и народъ долженъ взять отъ насъ многое. Наше

спасеніе въ народѣ, но и его спасеніе въ насъ.

Когда мы это поймемъ, то передъ лицомъ общаго врага сможемъ сказать вмѣстѣ съ народомъ: да здравствуетъ великая армія русскаго духа, да здравствуетъ великая русская интеллигенція!

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова